

ДУХ МАШИН ИДЕНТИФИКАЦИИ

Майборода Дмитрий Владимирович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и социальных наук
Минского государственного лингвистического университета

Аннотация. Рассматриваются концепты «машины идентичности» и «машины идентификации» как описывающие программирование человеческого самосознания в ситуации конца XX – начала XXI вв. Автор раскрывает связь этих концептов с понятием «машины желания» Ж. Делёза и Ф. Гваттари, а также «Системой-1» и «Системой-2» в поведенческой экономике. Предлагаются основания, по которым в современном анализе концепт «машин идентификации» является более приемлемым, чем «машины идентичности». Для того, чтобы описать основания работы «машин идентификации» в статье используется понятие «дух» как в данном случае более инструментальное, чем заменившее его в истории гуманитаристики понятие «культура». Автор предлагает поиск гуманистической альтернативы механизации самосознания в диалогизме.

Ключевые слова: машины идентификации; машины идентичности; самосознание; самоидентификация; диалогизм; Другой; постмодернизм; постструктурализм; дух; культура.

SPIRIT OF IDENTIFICATION MACHINES

Maiboroda Dmitrij V.,

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of History and Social
Sciences, Minsk State Linguistic University

Abstract. The main topic of the article is consideration of concepts “identity machine” and “identification machine” as describing the programming of human self-awareness in the situation of the late 20th – early 21st centuries. The author reveals the connection of these concepts with the concept of the “desire machine” by Gilles Deleuze and Felix Guattari, as well as “System-1” and “System-2” in behavioral economics. The author proposes the reasons why the concept of “identification machines” is more acceptable in modern analysis than “identity machine”. In order to describe the basis of the work of “identification machines,” the article uses the concept of “spirit” as, in this case, more instrumental than the concept of “culture” that replaced it in the history of humanities. The author proposes a search for a humanistic alternative to the mechanization of self-awareness in dialogism.

Keywords: Identification machines; identity machines; self-awareness; self-identification; dialogism; Other; postmodernism; poststructuralism; spirit; culture.

Концепт «машины идентичности» разрабатывался мной в конце XX в. как альтернатива распространённому образу человека, свободно создающего себя на основе самосознания и сотворчества с ближними. Этот прекрасный гуманистический образ резко контрастировал с тем, что происходило в реальности, – с тем, что люди в своей жизни постоянно исполняли какие-то программы, чуждые настоящему самоопределению и творчеству. Ядро этих программ и есть машины идентичности – системы алгоритмов идентификации человеком себя, изымавшие даже возможность отказа от выполнения программ.

Конечно, это была только метафора. У машин идентичности нет механических частей, они вообще – не часть объективного мира. Больше оснований заявить, как это делал Ж. Де Ламетри, сам человек – машина, одной из функций которой является самоидентификация. Именно метафоричность этого концепта препятствовала его легитимации.

Не следует считать, что это – совершенно оригинальная идея. Социально-критическая и постструктуралистская традиции, тесно переплетавшиеся в белорусской философии конца XX века, создавали удачный фон для нее. В этой идее легко увидеть продолжение марксистской критики самоотчуждения человека в культуриндустрии современного общества. И она явно связана с постмодернистским представлением о смерти субъекта и отвержением идеологии гуманизма. Разработанный классиками постструктурализма Ж. Делёзом и Ф. Гваттари концепт «машин желания» вообще предстает как родовой для этой идеи.

Во-первых, машины идентичности могут быть действительно описаны как устройства производства желания и преобразования его в удовольствие. Это может вызвать возражения, потому что нередко идентификация переживается человеком как травма. Однако следует учесть, что машины желания – социальные (или культурные) машины, которые не созданы для удовольствия отдельного человека. Еще в более глубоком смысле, когда такая машина порождает травму, она одновременно производит и некоторое желание, в частности, освободиться от этой травмы или даже от эффектов действия этой машины вообще. Нужно учитывать, что энергия работы такой машины вполне может проистекать из действий человека, направленных на то, чтобы из неё вырваться, её остановить или её разрушить.

Во-вторых, машины идентичности, как и вообще машины желания, абстрактны и семиотичны, а не конкретны и объективны. Потому их анализ

(деконструкция) носит характер культурной критики, а не социально-экономического преобразования. Революция в материальной жизни вне предшествующего преобразования культуры рано или поздно выльются в деградацию к более примитивному состоянию системы.

В-третьих, машины идентичности свойственны эпохе развитого капитализма. О чем-то подобном машинам желания можно говорить в отношении предшествующих эпох, но это никогда не будет в полной мере машиной, но, скорее, некоторым организмом (преобладающая в определенную эпоху метафора никогда не является случайной и выражает в том числе и культурную форму эпохи).

Несмотря на то, что идея машин идентичности (или “машин самоидентификации” – понятие, в котором акцентировалось использование их именно как эрзац-самосознания) вполне отвечала интеллектуальным тенденциям того периода времени, развить её в удовлетворяющем редакции журналов виде мне так и не удалось, а затем я практически полностью переключил своё внимание на поиск той альтернативы механизации самосознания, которая бы не была бы в то же время впадением в примитивный волюнтаризм. Такую альтернативу я обнаруживал в диалогизме, – традиции, утверждающей, что подлинное самосозидание возможно лишь во взаимодействии с Другим.

Подобно традиции Ж. Лакана большая буква в слове «Другой» в диалогической философии – аналог определенного артикля, то есть имеется в виду не какой-то другой, но тот самый, настоящий, уникальный, сущностный или даже абсолютный Другой. Но в отличие от лакановской концепции Другой в диалогизме – не пустой агрегат системы идентичности (что иное, как не форму преобладающего типа машин идентичности изображает Ж. Лакан в своей известной «схеме L»?). В диалогизме Другой всегда конкретен, а в религиозном диалогизме практика написания Другого с большой буквы обретает и еще одно подкрепление, поскольку истинно уникальным, сущностным и абсолютным может выступать лишь Бог (в отличие от «какого-то бога»). Ясно, что сторонники Ж. Лакана крайне просто могут доказать, что вместо нахождения какой-то альтернативы машинам идентичности я тем самым оказался заложником простейшего их типа.

Некоторое время назад я вновь вернулся к идее машин идентичности. Однако с несколькими уточнениями. Во-первых, мне показалось, что важно акцентировать внимание на процессуальности, а не на статичности, а следовательно, лучше говорить о «машинах идентификации», а не о

«машинах идентичности». Во-вторых, и это – гораздо важнее – эти машины перестали представлять лишь метафоричными и неконкретными абстракциями. Например, сегодня есть компьютерные программы, которые позволяют точно идентифицировать человека по видео и фотоматериалам даже в случае, если на его лицо нанесен рисунок или часть лица скрыта. Еще более важно, что мы пользуемся машинами идентификации попросту ежедневно, как только входим в ту или иную электронную социальную сеть. И кажется, что, осознаем ли мы это или нет, имеет довольно мало значения для функционирования этих машин идентификации.

С одной стороны, в эпоху больших данных такие машины «знают» нас лучше, чем мы сами знаем себя. Конечно, если считать, что знание – это прежде всего освоенная человеком информация, то в этом смысле машины идентификации ничего не знают. Но если знание – верное прогнозирование исходов для некоторой системы, то в этом смысле машины превосходят нас даже в отношении нашего собственного поведения. Отчасти это происходит потому, что люди не адекватны в самосознании. Меркантильные люди нередко укоряют себя за излишнюю расточительность. Психопат вполне может считать, что достаточно сопереживает другим людям. Еще более важно, что человек, принимая решение, часто игнорирует некоторую информацию, чего машина никогда не допускает. Это, в частности, касается сведений о предшествующих фактах принятия решений, которые могут значить больше, чем данные о содержании данного факта. Скажем, долго выбирая между тем, чтобы оставить всё как есть и изменить что-то, я нередко игнорирую то, что сама длительность выбора может склонять меня к первому исходу. Ясно, что машина учитывает это лишь в той мере, в какой она запрограммирована это делать. Однако современные машины программируются именно с учётом множества тех факторов, которые могут оказать значимое воздействие на поведение человека.

Разницу в предсказании поведения человека между самосознанием и машинами идентификации можно сравнить с разницей прогноза погоды между мнением человека, основанном на интуиции, некоторых приметах и самочувствии, и компьютерным расчетом статистических вероятностей. Если продолжать эту аналогию с учетом поведенческой экономики и философии, то она имеет прямую аналогию с работой так называемых Систем 1 и 2, или с разницей рассудка и разума. Компьютерная программа, Система 2 или разум иногда дают менее точный прогноз, чем простая

интуиция, но чем более данных они учитывают, основываясь на корректных интегралах их упрощения, тем более они выигрывают у интуиции в целом.

Ясно, что всерьез сравнивать интуитивно-практические системы принятия решений с математическими некорректно, потому что в первых интегрировано размышление и желание, тогда как вторые представляют собой чистый расчет. Иными словами, системами принятия решений можно назвать только первые, вторые – это только системы, вырабатывающие рекомендации, которые после всё равно принимаются или не принимаются на основе интуитивно-практического решения. Однако по мере прогресса это всё более нивелируется так, что от современного практически пассивного принятия рекомендаций такого рода систем быстро может быть совершен переход к системе, в которой человек будет лишь принимать решение о согласии на полную автоматизацию принятия решений (например, избиратель соглашается на то, что некоторая программа на основе информации о его предшествующих политических предпочтениях будет голосовать за него на всех последующих выборах и референдумах).

Сегодня машины идентификации – на том уровне развития, когда они предлагают человеку рекомендации, которые в соответствии с прогнозами наиболее вероятно будут использованы. Именно это способствует кластеризации пользователей и нарастанию социальных конфликтов. Известно, что если человек интересуется темой неопознанных летающих объектов, то машины онлайн-социальных сетей предлагают ему новости по теориям заговора, плоской земли, по экстрасенсорике и оружию. В свою очередь человеку, который интересуется наукой, предлагают новости по истории, языкам, интеллектуальным играм и мемы про котиков.

Особо обращает на себя внимание при этом два аспекта. Одно – это то, что машина создает идентификацию потребителя на основе выделения стандартизированных алгоритмов поведения той же статистической группы людей. Другое – то, что при этом человек оказывается в меньшей мере открыт представителям других групп, в частности потому, что у них нет общего поля информации, но и еще потому, что создается иллюзия, что все другие люди также видят ту же информацию, но неверно её понимают или игнорируют. Отсутствие единого информационного поля задает сложность адекватного представления о других людях, а подозрение в их принципиальной чуждости снижает желание взаимодействовать с ними иначе, как только подчиняя их себе. Здесь следует отметить то, что такая радикализация в большей степени сказывается на поведении более активных пользователей онлайн-социальных сетей, то есть часто – на более

молодых сторонниках либеральных ценностей. С другой стороны, их радикализация имеет менее жёсткий характер, чем у их антагонистов.

В-третьих, здесь еще стоит сказать немного о «духе», – понятии, которое сегодня рассматривается как устаревшее и дисфункциональное вследствие своей неопределенности в отличие от заместившего его понятия «культура». Для анализа «машин идентификации» понятие «дух» кажется мне более адекватным, поскольку улавливает не только некоторые ценностные формы, но и «захваченность» ими мышления, которая может не сознаваться и быть попросту скрытой. Более того, о «духе» можно говорить также как о чувственности, подчиненной некоторому переживанию (а в таком виде это понятие относимо и к поведению мышей, что продемонстрировал Дж. Кэлухан, используя понятие «духа» для интерпретации поведения «красивого» поколения мышей его известного эксперимента «Вселенная-25»).

Если использовать это понятие в отношении машин идентификации, то его лишь в слабой мере можно свести к идее капитала или жажде выгоды. Ясно, что создатели машин идентификации действительно стремятся увеличить прибыль (в том числе продавая информацию о возможном внимании человека заинтересованным в эффективной рекламе или пропаганде институтам), и это желание выступает первоначальным импульсом создания машин идентификации.

Однако главным в машинах идентификации является желание найти себя наиболее простым и приятным способом. По сути машины идентификации используют естественную склонность человека познавать себя посредством удовольствий. Специфику духа машин идентификации, вероятно, можно найти в основном в том, что происходит за счет максимального ускорения и увеличения содержательной насыщенности этого процесса. А происходит то, что человек, во-первых, отказывается от осознания происходящего и соответственно контроля за этим процессом. Во-вторых, человек перестает синтезировать этот способ идентификации с альтернативными, в частности, с постижением себя посредством творчества или поступка. То, что вытекает из этого – вместо того, чтобы этот способ самоидентификации занимал подчиненное место в структуре самосознания, он начинает восприниматься как основной его образ, подчиняя другие.

Об этом можно сказать и иначе – человек перестает воспринимать себя как существо, использующее машины идентификации, но начинает понимать себя как их часть. Этот дух машин идентификации можно описать как просто зависимость от конкретного продукта (подобную тому, когда

наркоман уже не может себя представить вне машинерии потребления наркотических веществ). Но этот дух имеет и иную составляющую, – желание включаться в машины, которые будут диктовать человеку то, кем он является. Ясно, что в этом нет принципиальной инновации относительно ранее проявлявших себя человеческих склонностей. Однако электронные машины идентификации доводят это желание до какого-то предела, который чреват распадом привычных общественных связей.

Ясно, что тут снова нужно поставить вопрос о альтернативе дистопии общества машин идентификации, о духе некоторой утопии, которая, как мне как диалогисту видится, должна подразумевать поиск того самого самосозидания во взаимодействии с другими, которое кажется всё время таким близким и таким ускользающим в современном обществе.